

ОПРАВДАНИЕ НАУКИ.

Теория познания В. Вундта.

(Продолжение).

а) Воспринимающее познание.

Дѣйствующіе въ насъ апперцептивный синтезъ и анализъ являются, по Вундту, основными факторами для образованія пространственно-временныхъ формъ воспріятія и раздѣленія всего воспріятія на отдѣльные объекты. Сами пространственно-временныя формы представляютъ „результатъ логическаго расчлененія содержанія воспріятія“¹⁾. Вначалѣ же время и пространство даны намъ также какъ и ощущенія²⁾ и потому объ формы нельзя вывести изъ логическихъ функцій также, какъ нельзя вывести, напримѣръ, „ощущенія краснаго или синяго“. Представленія, будучи объектами, обладаютъ свойствами и протяженія и пребыванія во времени³⁾; однако, такъ какъ вначалѣ, въ первичной формѣ воспріятія представленія обладаютъ примѣсью субъективныхъ элементовъ, то и время съ пространствомъ, относясь къ признакамъ представлений, должны быть очищены отъ субъективныхъ элементовъ въ видѣ освобожденія отъ противорѣчій. Сначала всѣ представленія даны намъ со свойствами быть протяженными и быть длительными, и это положеніе находитъ себѣ мѣсто раньше психологическаго осно-

¹⁾ System, S. 106.

²⁾ System, S. 115. Ср. Logik I, S. 508 f.

³⁾ Logik I, S. 484.

ванія въ различеніи пространственно-временныхъ формъ отъ содержанія ощущеній. Психологическое основаніе слѣдуетъ за теоретико-познавательнымъ и, очищая формы времени и пространства, доводитъ ихъ путемъ логическихъ операцій до „понятій“. Поэтому первоначальное основаніе, утверждающее за протяженіемъ и длительностью реальное существованіе, соотвѣтствуетъ точкѣ зрѣнія наивнаго реализма, въ которомъ представленія-объекты обладаютъ указанными свойствами; что же касается психологическихъ основаній, то они соотвѣтствуютъ именно тому стремленію уже болѣе высшей ступени познанія, которое выражается въ перенесеніи качественныхъ элементовъ въ субъектъ; психологическое основаніе для различенія пространственно-временныхъ формъ отъ содержанія ощущеній Вундтъ видитъ въ томъ, что для пространственно-временныхъ формъ важны не какіе-либо качественные признаки ощущеній, а только извѣстныя соотношенія послѣднихъ ¹⁾. Поэтому Вундтъ не согласенъ съ тѣми фізіологами, которые считаютъ пространство какимъ-то „специфическимъ чувственнымъ качествомъ“, принадлежащимъ ощущеніямъ, но опредѣляетъ пространство какъ „форму распорядка, возникающую благодаря взаимному отнесенію ощущеній и соотвѣтствующему ему ассоціаціонному процессу сліянія“ ²⁾. Возникающая же на этихъ психологическихъ основаніяхъ логическая обработка даетъ въ концѣ концовъ понятіе пространства и времени. Вундтъ считаетъ необходимымъ для возникновенія формальныхъ понятій два условія: „независимость варіаціи матеріальныхъ и формальныхъ составныхъ частей воспріятія“ и „постоянство общихъ свойствъ формальныхъ составныхъ частей“ ³⁾. Первое условіе „независимости варіаціи“ указываетъ на то, что матерія ощущеній и пространственно-временная форма не равносильны другъ другу въ варіаціяхъ; измѣненіе матеріи ощущенія можетъ и не вести за собою измѣненія пространственно-временныхъ формъ, но обратное всегда происходитъ; нельзя

¹⁾ System, S. 106. (Ср. Logik I, S. 511).

²⁾ Ibid. S. 107.

³⁾ Ibid. S. 111: „...zwei Bedingungen...: Die erste besteht in der unabhängigen Variation der materialen und formalen Bestandtheile der Wahrnehmung, die zweite in der Constanz der allgemeinen Eigenschaften der formalen Bestandtheile“.

измѣнить ни пространственной, ни временной формы, чтобы не измѣнилась вмѣстѣ съ этимъ матерія ощущеній ¹⁾; второе же условіе является дополненіемъ перваго, такъ какъ возможность измѣнять матерію ощущенія, не измѣняя формы, приводитъ именно ко взгляду на постоянство общихъ свойствъ формальныхъ составныхъ частей воспріятія. Только здѣсь мы уже получаемъ пространство и время въ видѣ понятій. Эти понятія могутъ быть также и „воззрѣніями“, если въ представленіи мы беремъ „какое-нибудь однородное содержаніе“, но они остаются всеже понятіями, такъ какъ независимы отъ входящихъ въ нихъ содержаній. Такимъ образомъ формы пространства и времени—„формы воззрѣнія и въ то же время понятія ²⁾. Разсматривая взглядъ Вундта на происхожденіе и на значеніе пространственно-временныхъ формъ для познанія, мы видимъ, что образованіе этихъ формъ обязано собою именно теоретико-познавательному и логическимъ основаніямъ, а не только чисто психологическимъ условіямъ. О теоретико-познавательномъ основаніи мы говорили уже, упоминая о томъ, что представленія-объекты обладаютъ еще до начала дѣйствія психологическаго анализа свойствами протяженія и пребыванія во времени; но, кромѣ того, если обѣ формы не представляютъ изъ себя только свойствъ ощущеній, а получаютъ благодаря „соотношенію ощущеній“ ³⁾, то это соотношеніе производитъ логическая функція соотношенія, находящаяся въ напей апперцептивной дѣятельности; выводомъ же изъ признанія этого соотношенія получается тотъ взглядъ Вундта, по которому пустое пространство или „представленія о пустыхъ формахъ“ невозможны ⁴⁾, такъ какъ, отрицая существованіе соотносимыхъ элементовъ, мы не можемъ сдѣлать, очевидно, и самого соотношенія, а потому не можемъ и получить „пустыхъ формъ“, лишенныхъ соотносимыхъ элементовъ.

Послѣ указаннаго различенія формы и матеріи воспріятія мышленіе въ состояніи уже обращаться по своему желанію

¹⁾ System, S. 112 ff.

²⁾ Ibid. S. 114: Anschauungsformen—...zugleich Begriffe. Cp. Logik I S. 517 См. Logik S. 515. I B.

³⁾ Ibid. S. 108 ff.

⁴⁾ Ibid. S. 110: Eine leere Zeit und ein leerer Raum oder die Vorstellungen solcher leerer Formen sind... unmöglich...

или на формальную сторону опыта, или и на формальную и материальную. Въ первомъ случаѣ, при разсмотрѣннн формальныхъ элементовъ, оно, не игнорируя содержанія воззрѣнн, считаетъ его, однако, безразличнымъ; во второмъ случаѣ оно принимаетъ во вниманн и качественную сторону воззрѣнн и рассматриваетъ свойства и соотношенн входящихъ въ воззрѣнн элементовъ; такимъ образомъ развиваются двѣ основныя науки, рассматривающн полное содержанн воспрнятн съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнн—математика и опытная наука вообще. Математика занимается разсмотрѣннемъ „формы порядка элементовъ“¹⁾, оставляя въ сторонѣ качественное содержанн; но она не есть только „наука о величинахъ“, понятн о которыхъ возникаютъ благодаря сравненн частей однородныхъ формальныхъ элементовъ; она, кромѣ того, рассматриваетъ и „родъ порядка“²⁾. Поэтому качественное разсмотрѣнн не чуждо математикѣ, чтѣ полагаютъ тѣ, которые опредѣляютъ математику какъ „науку о величинахъ“ или какъ „науку о количествахъ“. Разсмотрѣнн „рода порядка“, разсмотрѣнн многообразн, представляющаго изъ себя по отношенн къ пространству различн протяженн, все это указываетъ на приннн во вниманн и качественной стороны распорядка. „Не существуетъ“ говоритъ Вундтъ, „математическаго мышленн, въ которомъ съ количественнымъ разсмотрѣннемъ вещей не соединялось бы качественное“³⁾. Однако, эта качественность все-таки отличается отъ качественности элементовъ воззрѣнн тѣмъ, что она остается, также какъ и количественность, элементомъ экстенсивнымъ, а не интенсивнымъ, хотя по аналогн можетъ прилагаться также и къ интенсивнымъ величинамъ.

Рассматривая ближе пространственно-временныя формы въ ихъ взаимныхъ отношеннхъ, Вундтъ указываетъ на то, что сначала оба формальные элементы связаны. Только существованн случаевъ независимаго измѣненн времени отъ пространства даетъ, по его мнѣнню, возможность отдѣлить одну форму воззрѣнн отъ другой. Извѣстно, что всѣ пространственныя измѣненн соотвѣтствуютъ и измѣненнямъ

1) Ibid. S. 117.

2) System, S. 118.

3) Ibid. S. 119.

времени; но бываютъ случаи обратнаго явленія, когда при измѣненіи времени пространственный образъ остается неизмѣннымъ. Однако, въ то время какъ для пространства возможно отвлеченіе отъ времени, какъ это имѣетъ мѣсто въ геометріи, и въ то время какъ для пространства возможно ученіе о чистой формѣ послѣдняго безъ отношенія къ разнообразію качественныхъ элементовъ,—для времени, отрѣшеннаго отъ пространства, остается чисто-субъективный не формальный процессъ—смѣна ощущеній. „Такимъ образомъ получается“ говоритъ Вундтъ, „что преимущество реальной общности на сторонѣ времени, а преимущество общности формальной—на сторонѣ пространства“¹⁾.

Указывая на пространственно-временныя формы какъ на понятія лишенныя противорѣчій, а не какъ на чисто воззрительныя формы, Вундтъ тѣмъ самымъ приписываетъ пространству и времени объективное значеніе. „Ближайшій выводъ“, говоритъ онъ, „къ которому приводитъ анализъ воспринимающаго познанія, состоитъ въ томъ, что познающему субъекту даны объекты пространственно-временной формы и которые должны быть фактически данными“²⁾.

Въ этомъ своемъ основномъ взглядѣ на реальность пространства и времени, а также и на постепенное развитіе послѣднихъ понятій изъ данныхъ опыта, Вундтъ особенно сильно расходится съ Кантомъ. Первымъ тремъ изъ пяти тезисовъ Канта, относящимся къ разъясненію понятія о времени, онъ противопоставляетъ три своихъ тезиса, въ которыхъ указываетъ на невозможность существованія апріорности представленія времени. „Кантъ говоритъ“, указываетъ Вундтъ³⁾, „что одновременность или послѣдовательность не находились бы въ воспріятіи, если бы не было въ основаніи представленія времени а priori“. „На это можно отвѣтить“ продолжаетъ Вундтъ, „что представленія времени никогда не могли бы возникнуть, если бы не было дано въ воспріятіи соотвѣтствующаго представленіямъ распорядка“.

Далѣе, по Канту „при разсмотрѣннн явленій невозможно отречься отъ времени, въ то время какъ отъ времени можно

1) Ibid. S. 122.

2) См. Logik, I S. 515 ff.

3) Logik I, S. 482.

отнять вполнѣ явленія, заключающіяся въ немъ“; по Вундту же „невозможно мыслить времени безъ явленій, въ то время какъ вполнѣ можно при разсмотрѣннн явленія отвлечься отъ времени“.

Наконецъ, Кантъ указываетъ на то, что, „аксіомы, говорящія объ одномъ измѣреннн времени и о томъ, что время всегда однородно,—не могутъ быть выведены изъ опыта, такъ какъ обладаютъ аподиктическою достовѣрностію“. Вундтъ отвѣчаетъ на это тѣмъ, что „аксіомы времени могутъ быть выведены только изъ опыта, такъ какъ онѣ при отвлеченнн отъ послѣдовательности представленнй совершенно безпредметны, между тѣмъ какъ въ пустомъ времени не имѣютъ мѣста ни теченіе, ни послѣдовательность“. Въ этихъ противоположенняхъ, рѣзко отличающнхъ апіористическую точку зрѣння Канта отъ эмпирическаго направлення воззрѣннй Вундта, можно видѣть примѣръ такого же противупоставлення, конечно, съ различнымъ внутреннимъ смысломъ, которое сдѣлалъ Helmholtz Канту въ своихъ взглядахъ на происхожденнн пространственныхъ формъ воспрнятня ¹⁾. „Возможность прнобрѣтення воззрѣннй пространства вообще содержитсяъ въ ощущенняхъ“ говоритъ Helmholtz; „возможность прнобрѣтення воззрѣннй пространства вообще существуетъ до ощущення, т. е. а priori“ говоритъ Кантъ.

Такимъ образомъ Вундтъ какъ бы слѣдуетъ Helmholtz'у, выставляя, подобно послѣднему, положення, противуположнныя кантовскимъ.

Но разсматривая учення Helmholtz'a и Вундта относительно происхождення въ насъ представленнй пространства, легко видѣть, какъ указываетъ и самъ Вундтъ ²⁾, что Helmholtz склоняется на сторону генетическаго эмпиризма, тогда какъ Вундтъ защищаетъ точку зрѣння генетическаго преэмпиризма. Генетическнй эмпиризмъ, представителями котораго, по мнѣнню Вундта, являются, кромѣ Helmholtz'a, отчасти Berkeley, а въ новое время Schopenhauer,—впадаетъ въ противорѣчня, нуждаясь въ признаннн апіористическихъ предпосылокъ; преэмпирическая генетическая теорня, стоящая по-

1) A. Krause. Kant und Helmholtz über der Ursprung und die Bedeutung der Raumanschauung. (Краузе приводитъ 7 противупоставл.).

2) Logik I S. 507 ff.

среди между чистыми априоризмомъ и эмпиризмомъ, избѣгаеть ¹⁾, по мнѣнію Вундта, затрудненій чисто эмпирическаго разсмотрѣнія, такъ какъ она „не считаетъ воззрѣнія пространства какой-либо врожденной душевной энергіей, но съ другой стороны, тѣ процессы, которые мы охватываемъ опытнымъ понятіемъ, предполагаетъ предшествующими опыту“ ²⁾. Поэтому, соглашаясь съ Burkhardt'омъ ³⁾ въ опредѣленіи теоретико-познавательной точки зрѣнія Вундта какъ „преэмпирической“, на что указываетъ и самъ Вундтъ, мы считаемъ не вполне характернымъ опредѣленіе Eisler'a точки зрѣнія Вундта только какъ „генетической“ ⁴⁾. Это послѣднее опредѣленіе годится только для психологическихъ воззрѣній Вундта, но для его теоріи познанія оно не даетъ ясной характеристики; для психологіи, пока она остается на положительной физиологической почвѣ, все равно, что было въ субъектѣ и внѣ субъекта до того, пока къ нему приложима „генетическая“ точка зрѣнія; здѣсь, постулируя нѣкоторые задатки, можно указывать на генезисъ и эволюцію понятія пространства; но для теоріи познанія важенъ не только тотъ вопросъ, какъ происходитъ и развивается данное понятіе, но также и то, откуда является само предрасположеніе къ этому генезису и эволюціи. Изъ одного опыта вывести формъ пространства и времени нельзя—таковъ отвѣтъ Вундта чистымъ эмпиристамъ; безъ опыта вывести формъ пространства и времени нельзя—таковъ его отвѣтъ нативистамъ.

Разбирая ученіе Вундта о пространствѣ и времени, Volkelt считаетъ ⁵⁾ не выдерживающимъ критики то различіе, ко-

¹⁾ Н. Ланге. Исторія нравственныхъ идей XIX вѣка. 1888. „...Попытка Вундта — примирить нативизмъ съ эволюціонизмомъ — представляется намъ весьма удачной... Вундтъ не придаетъ нативизму абсолютнаго смысла... (Глава о Шопенгауэрѣ) см. также: F. Erhardt, Metaphysik. I. 1894. S. 79. Авторъ ставитъ здѣсь Вундта рядомъ съ Herbart'омъ.

²⁾ Logik, I S. 508 ff.

³⁾ Н. Burkhardt. W. Wundt's Logik. Vierteljahrsschrift für Philos. 1895. S. 413 ff. (Авторъ находитъ метафиз. объясненія объ „объект. пространствѣ“ въ Логикѣ).

⁴⁾ Eisler. W. Wundt's Philosophie... S. 106. См. Th. Lipps. Psychologische Studien. 1885. S. 27—28. (Срав. Lotze и Wundt'a) см. Sergi. La psychologie physiologique 1888 Paris p. 209—10 (О Вундтѣ и Lotze) см. Höffding. Очерки психологіи основ. на опытѣ рус. пер. 1898. стр. 171.

⁵⁾ Volkelt. W. Wundt. System, d. Ph... S. 274.

торое дѣлаетъ Вундтъ между формою и содержаніемъ воспріятія. „Мы могли бы“ говорить онъ, „обѣ стороны—содержаніе и форму—понимать какъ находящіяся въ различныхъ отношеніяхъ къ субъекту; первая могла бы принадлежать субъекту, другая—обладать свойствомъ объективности. Основное же различіе по отношенію къ субъекту кажется мнѣ не исключаящимъ того, чтобы обѣ стороны всегда находились въ нашемъ сознаніи; но какъ же можно согласиться съ тѣмъ объясненіемъ, что время и пространство не могутъ быть сведены къ субъекту? Вѣдь сказано, что только воззрительныя формы переносятся въ субъектъ; но развѣ время и пространство въ воспріятіи существуютъ иначе, чѣмъ въ воззрительной формѣ? И было бы совсѣмъ неудивительно, поэтому, если бы пространство и время были преобразованы въ чисто-субъективныя формы“.

Вмѣстѣ съ этимъ Volkelt дополняетъ свое возраженіе тѣмъ, что считаетъ положеніе о тождествѣ представленій объектамъ совершенно излишнимъ, если время и пространство перевести въ субъектъ, такъ какъ „съ этимъ послѣднимъ перенесеніемъ въ субъектъ ничего не остается для поддержанія тождества представленій—объектамъ“ ¹⁾.

Такимъ образомъ Volkelt не согласился бы признать и преэмпирическую точку зрѣнія Вундта; однако, если считать, что пространство и время суть свойства нашихъ представленій, а послѣднія могутъ быть только субъективны, какъ утверждаетъ Volkelt, то, конечно, время и пространство сами станутъ также субъективными формами. Въ такомъ случаѣ мы возвратились бы къ воззрѣніямъ Канта; принимая же сведеніе содержанія ощущеній къ субъекту, какъ это дѣлаетъ Вундтъ, мы бы получили даже чистый субъективизмъ; но именно то основное положеніе Вундта, на которомъ покоится его реалистическое ученіе, именно—положеніе о равенствѣ представленій объектамъ и спасаетъ объективность и преэмпиричность за пространствомъ и временемъ. Въ самомъ дѣлѣ, принимая положеніе о тождествѣ представленій объектамъ, мы должны приписать объектамъ и тѣ свойства, которыми обладаютъ представленія. Такимъ образомъ протяженіе и длительность, принадлежащія къ признакамъ пред-

¹⁾ Op. cit. S. 275.

ставленій, сами имѣютъ реальное значеніе; очищая представленія отъ субъективныхъ элементовъ, мы приближаемъ ихъ къ дѣйствительному соотвѣтствію съ реальностью; протяженность и длительность—это вмѣстѣ съ нѣкоторой однородной матеріей, какъ мы увидимъ впоследствии, — единственные элементы, оставшіеся послѣ подобнаго очищенія представленія;—эти свойства имѣютъ поэтому вполне реальное объективное значеніе, такъ какъ послѣ признанія ихъ не остается въ опытѣ никакихъ противорѣчивыхъ элементовъ и такъ какъ представленія наши здѣсь вполне уже освобождены отъ всего субъективнаго. Поэтому утвержденіе Volkelt'a было бы справедливо лишь въ томъ случаѣ, если не согласиться съ основной предпосылкой Вундта о тождествѣ представленій объектамъ и объ очищеніи этихъ представленій отъ противорѣчій для установленія за ними вполне законченной объективной реальности. Если же эта предпосылка принята и необходимость сведенія противорѣчивыхъ данныхъ опыта къ субъекту признана, то за пространствомъ и временемъ необходимо также признать въ концѣ концовъ объективное значеніе. „Созерцаніе пространства“¹⁾ говоритъ Вундтъ, „какъ распорядка ощущеній, которымъ мы приписываемъ только субъективное значеніе въ силу ихъ непосредственныхъ свойствъ, не соотвѣтствуетъ объективному распорядку самихъ вещей. Но также не можетъ оно быть и чисто субъективной формой возрѣнія; наоборотъ, непосредственная связанность созерцанія пространства съ представленіями внѣшнихъ предметовъ въ постоянствѣ лишенномъ противорѣчій, при которомъ при всякомъ измѣненіи содержанія пространственная форма остается неизмѣннымъ атрибутомъ представленія—объекта, указываетъ на объективное условіе, подъ влияніемъ котораго получаютъ начало всѣ частныя, субъективно измѣнчивыя пространственныя представленія“. Въ этихъ словахъ ясно выражается именно та эмпирическая точка зрѣнія, которая лежитъ въ ученіи Вундта о формахъ пространства и времени.

в. *Разсудочное познаніе.*

„Воспринимающее познаніе останавливается на томъ результатѣ, что объектъ данъ“, говоритъ Вундтъ, „но оно должно

¹⁾ Logik, I. S. 515.

отказаться отъ опредѣленія того, какимъ слѣдуетъ его предполагать“. Къ сторонѣ воспринимающаго познанія поэтому нельзя отнести очищенные рефлексіей предметы. Эти очищенные предметы „утратили способность быть представляемыми и могутъ быть мыслимы только черезъ понятія“ ¹⁾. „Воспринимать мы можемъ только себя, внѣшній же міръ мы можемъ лишь „понимать“ ²⁾. И эта задача „пониманія“ предметовъ падаетъ уже на долю разсудочнаго, или научнаго познанія. Правда, понятія могутъ вводиться и въ психологическія изслѣдованія, относящіяся къ воспринимающему познанию, но здѣсь, на взглядъ Вундта, понятія играютъ лишь вспомогательную роль для группировки и искусственной классификаціи разнообразнаго содержанія переживаній; но сами по себѣ эти понятія не могутъ служить объектами научной психологической обработки. Понятія же, относящіяся къ внѣшнему міру, представляютъ единичныя понятія и могутъ приводиться мышленіемъ въ закономѣрныя сочетанія, подвергаясь обработкѣ; такимъ образомъ, психологія и естественныя науки совершенно различны между собою по методамъ изслѣдованія. Дѣйствительно, въ то время какъ науки о внѣшнемъ мірѣ, перейдя въ область отвлеченныхъ понятій, пользуются представленіями лишь какъ „знаками“ понятій,—психологія остается на ступени воспринимающаго познанія и изслѣдуетъ наши переживанія, не отвлекаясь отъ другой стороны опыта, что дѣлаетъ въ обратномъ видѣ естествознаніе. И такъ какъ точкѣ зрѣнія изслѣдованія въ психологіи, занимающейся всѣмъ „непосредственнымъ“ опытомъ, не соотвѣтствуетъ точка зрѣнія естествознанія, обращающаго вниманіе на внѣшнюю сторону опыта, или, точнѣе говоря, обращающаго вниманіе только на часть всего нашего переживанія—именно на представленія,—то потому вторженіе естествознанія въ область чистой психологіи Вундтъ считаетъ незаконнымъ. „Всякая попытка перекинуть мостъ черезъ пропасть, отдѣляющую другъ отъ друга указанныя двѣ области“, говоритъ онъ, „должна оставаться безуспѣш-

1) System, S. 137.

2) Ibid., „... dass das erkennende Subject nur sich selbst wahrzunehmen, die objective Welt aber bloss zu begreifen, das heisst in Begriffen festzuhalten im Stande ist“.

ной для вспомогательныхъ средствъ разсудочнаго познаванія“.

Однако, законы мышленія той и другой области одни и тѣ же. Законы мышленія, будучи не только „законами понятій“, но и возрѣній, могутъ относиться и къ психологическому познаванію; но эти законы, хотя и примѣнимы въ области психологическаго опыта, проявляются, однако, особенно сильно и особенно устойчиво лишь въ области критическаго научнаго опыта, въ изслѣдованіяхъ внѣшняго міра, такъ какъ, оперируя съ устойчивыми неизмѣнными понятіями, они могутъ проявиться въ болѣе строгомъ и законмѣрномъ видѣ, чѣмъ въ сферѣ неустойчивыхъ, текучихъ элементовъ возрѣнія. Въ опосредственномъ опытѣ разсудочнаго познаванія мышленіе получаетъ уже доминирующую роль и изъ элементовъ воспринимающаго познаванія оно беретъ лишь для вспомогательныхъ цѣлей репрезентативныя представленія, являющіяся слабыми отголосками, или, вѣрнѣе, тусклыми снимками съ живого міра возрѣнія. Приводя въ различную связь полученныя понятія согласно своимъ основнымъ законамъ, мышленіе изслѣдуетъ внѣшній міръ изолированно отъ внутренняго и, разсматривая его въ его свойствахъ путемъ анализа и введенія различныхъ ограниченій, стремится приблизить познаваніе къ самой дѣйствительности, хотя при своихъ средствахъ разсудочнаго познаванія оно не можетъ вполне рѣшить этой задачи.

Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствуя на основаніи своихъ законовъ и пользуясь понятіями какъ матеріаломъ, мышленіе въ состояніи безконечно многообразнымъ образомъ соотносить и связывать эти понятія. Но, такъ какъ всѣмъ построеніямъ мышленія нельзя дать реальныхъ коррелятовъ и такъ какъ необходимо различать всѣ возможныя построенія мышленія по отношенію къ цѣнности каждаго изъ этихъ построеній и такъ какъ, кромѣ того, необходимо постепенно приводить различные отрывочные результаты опыта въ непротиворѣчивыя системы понятій, то существеннымъ факторомъ въ области разсудочнаго познаванія, по мнѣнію Вундта, является—гипотеза. Гипотеза, какъ вспомогательное средство разсудочнаго познаванія, приложима въ очищенномъ отъ всякой метафизики видѣ только въ области разсудочнаго познаванія. Гипотезы психологіи, хотя и относятся къ матеріалу, дан-

ному въ воспринимающемъ познаніи непосредственнаго опыта, однако могутъ представляться въ видѣ лишь трансцендентныхъ идей, такъ какъ понятія разсудка' не имѣютъ, по мнѣнію Вундта, законнаго права вступать въ область психологическихъ изслѣдованій въ качествѣ какихъ-либо гипотетическихъ положеній. Къ психологіи приложимы, такимъ образомъ, только гипотезы разума, а не разсудка, и потому всякое психологическое истолкованіе необходимо должно переходить въ истолкованіе метафизическаго характера. Поэтому и такія проблемы, какъ, напримѣръ, проблема взаимодействия внѣшняго и внутренняго міра, касаясь ступени воспринимающаго познанія всего непосредственнаго опыта, лежатъ уже въ разумномъ познаніи и потому „не могутъ обойтись безъ разсмотрѣнія метафизическихъ вопросовъ“¹⁾.

Что же касается познанія внѣшняго міра и примѣненія гипотезъ въ этой области, то гипотезы, облегчающія познаніе, должны быть основаны здѣсь на чисто логической необходимости; требованій, которыя можно предъявлять къ этимъ гипотезамъ для того, чтобы онѣ вели по вѣрной до-

¹⁾ System, S. 157. Взглядъ Вундта на подобный характеръ психологическихъ гипотезъ объясняетъ именно ту метафизическую окраску, которую получаютъ результаты его психологическихъ изысканій въ „Grundzüge“, „Grundriss“ и „Vorlesungen“... и на которую о собенно часто и сильно нападаютъ его критики. Ради интереса мы приводимъ здѣсь нѣсколько подобныхъ отзывовъ и рецензій на упомянутые труды Вундта: *Baumann*. Deutsche und ausserdeutsche Philosophie... 1903: S. 52. „...Empirische Psychologie, d. h. psychologie съ отрѣшеніемъ отъ метафизическихъ предпосылокъ Grundriss ist durchaus nicht“... Точно также въ статьѣ того же автора: *Baumann* Wundt's Lehre vom Willen und sein animistischer Monismus. Philos. Monatsb. 1881: „...Ich glaube zunächst, dass Wundt hier ohne Noth die Metaphysik hineinzieht... (S. 588) *Kirschmann*. W. Wundt's Lectures on Human and Animal Psychology. The Psychol. Review 1895: „...closing with a discussion of the ultimate questions of psychology and their philosophical bearing...“ (p. 179) *I. B. M.* Psychological Review, 1898. p. 208: (Outlines of Psych.) „...the deliberate mode of analysis, whereby purely hypothetical 'elements' are treated... are directly calculated to keep the subject in the bonds of a neo-scholasticism“... *Троицкий* Нѣмецкая психологія въ текущ. столѣтій I. II 1883 „...рядомъ съ туманной метафизикой... рассыпано много прекрасныхъ наблюдений...“ „Обработка духовныхъ явленій, затеменная притомъ множествомъ мистическихъ, quasi-опытныхъ теорій...“ (стр. 512) *Снегиревъ*. Психологія. 1893. стр. 620: „...въ мѣтѣ схоластической формѣ то же понятіе о волѣ у Вундта“... О мнѣніяхъ *Münsterberg'a*, *Bain'a* и др. см. въ главѣ „филос. духа“.

рогѣ, Вундтъ указываетъ два: „внѣшнюю провѣрку“ и „внутреннее ограниченіе“ гипотезъ ¹⁾. Подъ первымъ требованіемъ Вундтъ разумѣетъ ограниченіе гипотезъ въ томъ отношеніи, что только тѣ изъ нихъ годны для успѣшнаго примѣненія, которыя не противорѣчатъ до того времени принятымъ и твердо установленнымъ системамъ предпосылокъ и которыя, кромѣ того, должны быть внутренне связаны съ этими предпосылками. Постулатъ же „внутренняго ограниченія гипотезъ“ указываетъ на то, что введеніе гипотезъ тамъ, гдѣ въ томъ нѣтъ существенной необходимости вслѣдствіе отсутствія противорѣчій, является удаленіемъ отъ истиннаго познанія, стремящагося къ освобожденію отъ противорѣчій и желающаго не измѣнять тѣхъ элементовъ познанія, которые уже предшествующей обработкой освобождены отъ этихъ противорѣчій.

Употребленіе гипотезъ, безъ которыхъ, собственно говоря, немислимо никакое научное движеніе, представляетъ изъ себя величайшій факторъ въ обработкѣ понятій науки, и можно сказать, что по Вундту выраженіе Ньютона „Hypotheses non fingo“ является лишеннымъ всякаго значенія для истиннаго научнаго познанія. Развитіе научныхъ положеній обязано своими окончательными выводами именно примѣненію гипотезъ въ сферѣ разсудочнаго познанія. Эти же окончательные выводы приводятъ къ установленію нѣсколькихъ основныхъ понятій, далѣе которыхъ не идетъ разсудочное познаніе.

По отношенію къ формальной сторонѣ воспріятія получаютъ „чисто-формальныя понятія“—многообразіе, число и функція, по отношенію къ матеріальной сторонѣ воспріятія— „чисто-реальныя понятія“—субстанція, причинность и цѣль. Образованію этихъ понятій, конечно, предшествуетъ образованіе болѣе частныхъ понятій, и Вундтъ рѣшительно отклоняетъ тотъ взглядъ, что „въ единичномъ опытномъ понятіи содержится уже самое общее разсудочное понятіе, которое, въ концѣ концовъ, можетъ быть выведено изъ послѣдняго при посредствѣ логической обработки“ ²⁾. Насбо-

¹⁾ System, S. 161, von denen wir das erste kurz als das der äusseren Berichtigung, das zweite als das der inneren Beschränkung der Hypothesen bezeichnen wollen“... ср. Logik I. S. 452 ff.

²⁾ Ibid. S. 211.

ротъ, общія понятія—не кантовскія категоріи разсудка, подъ которыя можно подводитъ содержаніе опыта, а они сами представляютъ изъ себя обработку частныхъ опытныхъ понятій. Такимъ образомъ, въ началѣ мы имѣемъ въ видѣ результата соотносящей дѣятельности мышленія лишь единичныя опытыя понятія, изъ которыхъ только при дальнѣйшемъ развитіи получаютъ общія опытыя понятія ¹⁾. Эти послѣднія, переходя въ дальнѣйшемъ развитіи мышленія въ классы общихъ опытныхъ понятій, даютъ три группы опытныхъ понятій: „понятія предметовъ, понятія свойствъ и понятія состояній“ ²⁾. Это и есть, по Вундту, „истинныя категоріи“, такъ какъ все содержаніе опыта можетъ распредѣляться только по этимъ тремъ классамъ, исчерпывающимъ все содержаніе опыта. Устанавливая данныя категоріи, Вундтъ указываетъ именно на то, что первыя имѣютъ смыслъ скорѣе аристотелевскихъ категорій, чѣмъ кантовскихъ, такъ какъ Аристотель, хотя и не вполне точно, давалъ категоріямъ смыслъ именно общихъ опытныхъ понятій, между тѣмъ какъ Кантъ считалъ категоріи такими понятіями, которыя „не могутъ быть причислены къ опытнымъ понятіямъ“ ³⁾. Сопоставляя категоріи Вундта съ категоріями Аристотеля и Канта, мы видимъ, что Вундтъ дѣйствительно ближе стоитъ къ первому, чѣмъ къ послѣднему. Кантъ обвиняетъ Аристотеля въ томъ, что онъ „хваталъ категоріи, гдѣ онѣ ему попадались“ ⁴⁾ и, не имѣя принципа и основанія дѣленія, сдѣлалъ „свою таблицу неудовлетворительной“. Кантъ указываетъ на раздѣленіе категорій какъ на требованіе, которое „систематически рождается изъ одного общаго принципа—именно изъ способности сужденія“. Поэтому четыре группы категорій Канта, относящіяся къ количеству, качеству, отношенію и модальности, и вытекающія не изъ разсмотрѣнія опыта, а изъ „способности сужденія“, далеко не соотвѣтствуютъ дѣленію Вундта. Кантъ укоряетъ

¹⁾ Ср. В. *Bosanquet* *Logic*. I 1888. (О псих. основ. обрац. единич. въ классовыя понятія. *Bosanquet* соглашается съ Вундтомъ въ экономическомъ (р. 68).

²⁾ *Ibid.* S. 218: „Die Gegenstands,—die Eigenschafts—und die Zustandsbegriffe“. См. также *Logik* I, S. 461.

³⁾ *Kritik d. r. Vernunft*. 2-e Aufl. 1787. S. 107.

⁴⁾ *Ibid.* S. 107.

Аристотеля именно за то, за что Вундтъ можетъ его только одобрить; „Въ числѣ категорій у Аристотеля“, говоритъ Кантъ, „находятся и нѣкоторые modi чувственности (quando, ubi, situs, prius, simul), и даже одинъ признакъ опытный (motus), которые не могутъ имѣть мѣста въ реестрѣ разсудка“¹⁾ и которые Кантъ считаетъ необходимымъ прежде всего исключить изъ „аристотелева списка“²⁾. Въ свою очередь Вундтъ, подходя съ противоположной стороны³⁾, указываетъ на то, что „Аристотель, подъ вліяніемъ грамматическихъ различій, смѣшалъ практическое различіе понятій съ логическими, имѣющими иной и неравнозначущій характеръ. Такъ, въ числѣ десяти аристотелевскихъ категорій оказываются не только три вышеупомянутыхъ класса понятій (предметовъ, свойствъ и состояній), но и такія формы, которыя совсѣмъ не имѣютъ самостоятельнаго значенія⁴⁾, только выражаютъ, какимъ образомъ могутъ быть связываемы между собою другія понятія, и которыя мы, въ отличіе отъ подлинныхъ категорій, назовемъ формами отношенія понятій“⁵⁾.

Разсматривая подробнѣе категоріи Аристотеля, Канта и Вундта, мы приходимъ къ интереснымъ результатамъ; такъ, напримѣръ, категорія *substantia* соотвѣтствуетъ со стороны примѣненія опытнаго содержанія вундтовой категоріи „предмета“, со стороны же модальности одиннадцатой категоріи Канта—„существованію“; аристотелевское *Relatio*, *Qualitas*, *Quantitas*—находитъ себѣ мѣсто у Канта въ категоріяхъ отношеній, качества и количества, но у Вундта считается формами отношенія понятій и къ категоріямъ не причисляется. Наоборотъ,—*Passio*, *Quando*, *Ubi*, *Situs*, *Habitus*, отвергаемыя Кантомъ, могутъ быть подведены подъ рубрики трехъ категорій Вундта. И какъ разъ то *postpraedicamentum*,

1) *Ibid.* S. 107.

2) *Prolegomena zu jeder künft. M.* (рус. пер. Соловьева стр. 103).

3) *Logik I*, S. 118. (Вундтъ раздѣляетъ катег. Арист.—я на 4 группы, изъ которыхъ перв. 3 соотвѣт. его категоріямъ, а 4-ая производная).

4) См. *Baumann Deutsche Phil...* (Насъ удивляетъ то, что *Baumann* находитъ у Вундта не три, а четыре категоріи. (См. 61 стр.). Очевидно *Baumann* смѣшалъ кат. Вундта съ подразд. аристот.—ыхъ категорій).

5) *System*, S. 219.

про которое Кантъ говоритъ, что оно „опытнаго происхожденія“ (motus), особенно сильно приближается къ вундтовой категоріи „состоянія“.

Итакъ, различіе точекъ зрѣнія Вундта и Канта въ образованіи категорій приводитъ къ тому, что отвергаемые Кантомъ аристотелевскія категоріи, конечно, въ очищенномъ видѣ, принимаются Вундтомъ, и обратно, Вундтъ отвергаетъ тѣ категоріи Аристотеля, гдѣ Кантъ имѣетъ возможность согласиться съ послѣднимъ. Яркимъ образцомъ, именно, этой разницы и служатъ предикаментъ—Relatio, отвергаемый Вундтомъ, но принимаемый Кантомъ, или постпредикаментъ—Motus, отвергаемый Кантомъ, но принимаемый Вундтомъ.

Разсматривая теперь послѣ категорій производныя понятія, которыя Вундтъ называетъ „формами отношеній понятій“, мы находимъ здѣсь еще одно интересное слѣдствіе, вытекающее изъ различія точекъ зрѣнія Канта и Вундта. Въ системѣ Канта аналогичными „формамъ отношенія понятій“ будутъ служить предикабиліи, какъ, напримѣръ, у категорій отношеній—предикабиліи силы, дѣйствія, страданія ¹⁾; у Вундта же изъ основныхъ опытныхъ понятій о предметахъ, свойствахъ и состояніяхъ вытекаютъ производныя понятія—понятія, выражающія отношенія. Поэтому, если вундтовы „формы отношенія понятій“ назвать предикабиліями, то можно сказать, что категоріи Канта соотвѣтствуютъ предикабиліямъ Вундта, а категоріи Вундта—предикабиліямъ Канта. Этотъ выводъ имѣетъ свое объясненіе именно въ томъ, что кантова точка зрѣнія дѣленія категорій основана на свойствахъ мышленія, а точка зрѣнія Вундта соотвѣтствуетъ распредѣленію опытнаго содержанія воспріятія. Дѣйствительно, такъ какъ по Канту мышленіе обладаетъ уже готовыми понятіями, то приложеніе къ опыту этихъ понятій можетъ дать въ результатъ производныя, опытные уже понятія—предикабиліи; у Вундта же, наоборотъ, изъ результатовъ опыта получаютъ понятія, выходящія за предѣлы опыта, и эти результаты, представляя изъ себя производныя понятія, или предикабиліи, будутъ, именно, отвлеченными, основывающимися на свойствахъ мышленія, понятіями.

¹⁾ Kritik d. r. Vernunft. S. 108.

Переходя теперь къ дальнѣйшему развитію опытныхъ понятій у Вундта, выражающемуся въ образованіи понятій отношенія, мы видимъ, что уже въ эмпирическихъ понятіяхъ встрѣчаются понятія подобнаго характера; и хотя эти понятія можно подвести всегда къ одной изъ трехъ категорій, однако въ нихъ уже является новый элементъ—соотнесеніе съ какимъ-либо другимъ предметомъ той же категоріи. Логическая функція отрицанія служитъ главнымъ факторомъ для подобнаго рода соотнесенія, такъ какъ „понятія, выражающія отношенія, образуются нами лишь тогда, когда два объекта мышленія... вступаютъ въ такое сочетаніе, что одинъ содержитъ въ себѣ положительную противоположность другому“ ¹⁾. Абстрактныя понятія представляютъ необходимый результатъ подобнаго рода соотнесенія, такъ какъ въ нихъ мыслятся уже не какія-либо изъ трехъ категорій, а только признаки взаимоотношенія между элементами одной и той же категоріи. И абстрактныя понятія, выражающія отношенія и возникшія сами изъ соотнесеній, являются высшимъ видомъ разсудочныхъ понятій. Категоріи предметовъ, свойствъ и состояній, а также и вообще частныя опытыя понятія, не предполагаютъ ничего, кромѣ функціи сравненія, иначе говоря, закона тождества и противорѣчія ²⁾; абстрактныя же понятія и вообще понятія, выражающія отношенія, требуютъ уже третьяго закона—закона основанія.

Понятія, получившіяся подобнымъ образомъ и соответствующія уже не дѣйствительнымъ соотношеніямъ вещей, данныхъ въ опытѣ, а указывающія только на логическую связь, которую мы переносимъ на внѣшній міръ,—эти понятія Вундтъ и называетъ „чистыми разсудочными понятіями“. Въ силу различенія формы и матеріи ощущеній образуется два класса чистыхъ разсудочныхъ понятій; но матеріальная и формальная стороны здѣсь не равнозначны другъ съ другомъ, такъ какъ одна матерія ощущеній никогда не можетъ разсматриваться отдѣльно отъ формы, а форма можетъ изслѣдоваться при безразличномъ содержаніи ощущеній.

¹⁾ System, S. 224.

²⁾ *Bosanquet* (Logic. 1898. 1)—считаетъ неяснымъ ученіе Вундта о „Gegenstandsbegriff“: „...does not seem to me perfectly clear“. (p. 151).

Полная сторона опыта даетъ, такимъ образомъ, первый изъ упомянутыхъ случаевъ—соединеніе содержанія съ формой и вытекающія отсюда „реальныя понятія“; форма же при безразличіи содержанія даетъ „формальныя понятія“; при этомъ „реальныя понятія“, принимая во вниманіе матерію ощущеній, занимаютъ, главнымъ образомъ, дѣйствительностью, между тѣмъ какъ формальныя понятія могутъ имѣть силу и въ сферѣ возможности ¹⁾.

На разсмотрѣнннхъ указанныхъ двухъ областей разсудочное познаніе и останавливается. Науки о внѣшнемъ мірѣ, разрушая противорѣчивую въ частяхъ видимость, не уничтожая, однако, реальности первоначальныхъ представленій-объектовъ, строятъ изъ этой видимости міръ отвлеченный,—міръ *понятій*. Что же касается психологін, то послѣдняя изслѣдуетъ наши переживанія въ ихъ полномъ, не тронутомъ абстракціей, общемъ теченіи, и потому не можетъ быть включена въ область разсудочныхъ понятій; ни одна изъ двухъ наукъ—психологія и естествознаніе не могутъ быть сведены одна на другую безъ помощи метафизики и потому разсудочное познаніе, имѣющее цѣлью лишь „истолкованіе опыта при посредствѣ подведенія его подъ общія понятія“ ²⁾, не въ состояніи примирить эти области въ общемъ единствѣ. Поэтому психологическія изслѣдованія совершенно не входятъ въ кругъ разсудочныхъ понятій и объединеніе психологическихъ фактовъ въ непротиворѣчивую систему переходитъ отъ воспринимающаго познанія прямо въ область разума; въ естествознаніи же подобное стремленіе къ объединенію вполнѣ законно лежитъ, по мнѣнію Вундта, въ сферѣ разсудочнаго познанія, и попытки сведенія всѣхъ научныхъ данныхъ на общія основанія, которыя часто предпринимались и предпринимаются въ частныхъ дисциплинахъ и во всей совокупности наукъ, какъ нельзя лучше указываютъ на это стремленіе. Но пониманіе міровой связи—только это дѣло разсудка; „обосновать“ же ея онъ не можетъ ³⁾; лишь на долю разума выпадаетъ эта задача. Законъ основанія, стремящійся непрерывно впередъ къ кон-

1) System, S. 229.

2) Ibid. S. 174.

3) Ibid. S. 174.

струированію все новыхъ и новыхъ соотношеній понятій, ведетъ къ требованію завершить познаніе въ общемъ непротиворѣчивомъ единствѣ; съ другой стороны, исходный пунктъ нашего познанія, указывающій на единство всего переживанія, также заставляеть наше мышленіе дополнить и слить различныя области другъ съ другомъ;—и подъ вліяніемъ этихъ стремленій необходимо возникаетъ послѣдній высшій родъ познанія—разумное познаніе, дополняющее данныя опыта и приводящее къ конечнымъ понятіямъ, которыя Вундтъ, въ отличіе отъ гипотетическихъ понятій разсудка, по примѣру Канта, называетъ „идеями“¹⁾.

с. Разумное познаніе.

Въ разумномъ познаніи мы выходимъ уже за предѣлы всякаго даннаго опыта²⁾. Понятія, связуемая здѣсь и взятыя изъ опытной области, приводятся во взаимоотношеніе, давая новые результаты, и только законъ основанія, способный продуктивно выйти за предѣлы опыта изъ трехъ законовъ мышленія, неудержимо стремится въ безконечность. Но признаніе того факта, что при всякомъ связываніи по принципу основанія—основаніе и слѣдствіе сдерживаются общимъ высшимъ понятіемъ, ведетъ къ тому, что въ безконечномъ поступательномъ движеніи разума образуется два рода безконечности: во первыхъ, безконечность въ продолженіи членовъ ряда и, во вторыхъ, безконечность, охватывающая въ видѣ высшаго понятія самыя упомянутыя члены ряда: эти двѣ безконечности связаны другъ съ другомъ и связаны другъ съ другомъ въ такой же мѣрѣ, какъ основаніе и слѣдствіе связаны съ высшимъ понятіемъ, расчлененіемъ и соподчиненными частями чего послѣднія являются сами³⁾.

Въ области математическихъ понятій, представляющихъ понятія чисто формальнаго характера, особенно ярко выражается упомянутое стремленіе нашего мышленія въ безконечность. „Чисто формальный характеръ математическаго мышленія“ говоритъ Вундтъ, „несомнѣнно и дѣлаетъ по-

¹⁾ Ibid. S. 174.

²⁾ О возможности и закон—и стремленія за сферу опыта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и законъ метафизики у Вундта (какъ у Sigwarta и Liebmann'a) см. *Volkelt Erfahrung und Denken* 1886. S. 438.

³⁾ System. S. 181.

слѣднее склоннымъ и способнымъ къ образованію трансцендентныхъ понятій“. И въ области математики, гдѣ трансцендентныя идеи легче всего могли выработаться и быть отчетливо и строго выражены, благодаря исключенію изъ математическихъ изслѣдованій разсмотрѣнія качественной стороны содержанія опыта,—въ области этой науки мы яснѣе всего получаемъ тѣ основныя положенія, къ которымъ приходится въ своемъ поступательномъ движеніи наше мышленіе. И дѣйствительно, анализъ математической трансцендентности приводитъ Вундта къ признанію двухъ сильно различающихся одинъ отъ другого способовъ развитія понятій, основывающихся на законѣ основанія. Одинъ изъ этихъ способовъ какъ бы продолжаетъ ту опытную область, изъ которой исходитъ разумное познаніе, и качественно не измѣняетъ понятій, данныхъ въ разсудочномъ познаніи. Такъ, на примѣръ, понятія бесконечно-малыхъ и бесконечно большихъ величинъ не представляютъ изъ себя качественно отличныхъ понятій сравнительно съ понятіями опыта и являются только формальнымъ продолженіемъ послѣднихъ за границы опыта; „трансцендентность здѣсь принадлежитъ не самимъ понятіямъ“ указываетъ Вундтъ, „а только общей идеѣ проведенія ихъ дальше всякой границы“. И эту трансцендентность Вундтъ называетъ „реальной“ ¹⁾.

Другой родъ трансцендентности имѣетъ дѣло уже не только съ продолженіемъ понятій за границы всякаго опыта, но видоизмѣняетъ понятія и качественнымъ образомъ въ томъ смыслѣ, что полученному отвлеченному результату можетъ совершенно не соответствовать исходный пунктъ возрѣнія и опыта. Это—„воображаемое трансцендентное“ ²⁾, какъ называетъ данный классъ идей Вундтъ, не находитъ себѣ въ возрѣннн какихъ-либо коррелятовъ, оставаясь чисто отвлеченнымъ результатомъ разумаго мышленія, примѣрами чего могутъ служить обобщенія математики въ ученіи о многообразіи или функціяхъ мнимыхъ переменныхъ величинъ. Эти оба указанные рода трансцендентности, однако, являются достояніемъ не только одной математики; правда, здѣсь они выразились особенно ясно благодаря бѣльшей легкости ма-

¹⁾ System, S. 187.

²⁾ Ibid. S. 187. Cp. *Mercier La psychologie contemporaine* 1897. p. 190 et suiv.

тематическихъ изслѣдованій, относящихся только къ формальной сторонѣ нашего опыта; но и реальная и воображаемая трансцендентность, какъ указываетъ Вундтъ, составляютъ части вообще философской трансцендентности. Реальная трансцендентность въ философіи, принимающей во вниманіе уже и содержаніе опыта, тѣсно связана съ формальной реальной трансцендентностью, и безконечная дѣлимость матеріи, напримѣръ, также связана съ безконечной дѣлимостью пространства, какъ и безконечность матеріальнаго міра—съ безконечностью пространства, или—безконечная длительность времени—съ безконечнымъ рядомъ причинныхъ процессовъ. Значительно же запутаннѣе проявляется въ философіи воображаемая трансцендентность. Воображаемое трансцендентное никогда не бываетъ такъ ясно выражено, какъ реальное трансцендентное и всегда смѣшано или съ элементами возрѣнія, или съ данными опыта, отъ которыхъ оно съ трудомъ можетъ быть освобождено. Именно, измѣненіе качества уносимыхъ въ беконечность понятій ведетъ за собою эту трудность, а иногда, даже, и полное отсутствіе пониманія подобныхъ результатовъ; какъ приводитъ примѣръ Вундтъ ¹⁾, у Спинозы безконечность различныхъ атрибутовъ, за исключеніемъ мышленія и протяженія, представляя трансцендентность воображаемую, настолько непонятна, что не вліяетъ вообще на пониманіе всей системы и „не будь ихъ вовсе—ни одинъ элементъ системы, кромѣ того опредѣленія, въ которомъ о нихъ упоминается, не испыталъ бы ни малѣйшаго измѣненія“.

Однако, исторія философіи своими многочисленными примѣрами введенія воображаемаго трансцендентнаго въ различныя ученія указываетъ Вундту на относительную законность не только реальной трансцендентности, которая говоритъ о „не данной дѣйствительности“, но и на законность второго вида трансцендентности—„простой мысленной возможности“ ²⁾, которая, „будучи сама по себѣ недѣйствительной, можетъ, однако, бросать болѣе яркій свѣтъ на тѣ понятія, къ образованію которыхъ насъ побуждаетъ дѣйстви-

¹⁾ System, S. 189 f.

²⁾ System, S. 188: „...nicht gegebene Wirklichkeit...“, „...eine blosse Denkmöglichkeit“...

тельность“¹⁾. Но для установления критерія относительно возможности вводить въ философію воображаемую и реальную трансцендентность, Вундтъ считаетъ необходимымъ соблюденіе двухъ условій, изъ которыхъ первое указываетъ на то, что „поскольку содержаніе познанія обусловливается его формой, при всеобщемъ значеніи послѣдней и первое имѣетъ всеобщее значеніе“, а второе правило гласитъ о томъ, что „всюду, гдѣ установленная нашимъ мышленіемъ связь основаній и слѣдствій заставляеть насъ выходить за границы опыта, вызванное такимъ образомъ развитіе всегда будетъ относиться одновременно и къ формѣ и къ содержанію“²⁾. Поэтому философская трансцендентность, хотя и не имѣетъ только формальнаго значенія, какъ математическая трансцендентность, но во всякомъ случаѣ тѣсно связана съ послѣдней; и, опираясь именно на формы, содержаніе опосредственнаго опыта идетъ изъ области разсудка въ разумное познаніе и образуетъ тамъ космологическія идеи; непосредственный же опытъ, охватывающій все наше переживаніе, но не проходящій черезъ область разсудка, подвергается тѣмъ же логическимъ преобразованіямъ по принципу основанія въ разумномъ познаніи, какое испытываютъ тамъ космологическія идеи. Поэтому въ сферѣ разумнаго познанія мы встрѣчаемъ прежде всего двѣ трансцендентныя проблемы: космологическую и психологическую. На основаніи же этихъ послѣднихъ—возникаетъ третья проблема—онтологическая, принадлежащая исключительно разуму и представляющаяся окончательнымъ завершеніемъ философскаго познанія, такъ какъ истинная сущность бытія, безъ раздѣленія послѣдняго на стороны духовной и матеріальной жизни, получаетъ разрѣшеніе именно здѣсь. Три же рода проблемъ—космологической, психологической и онтологической составляютъ вообще всю область разума. Обладая двумя поступательными движеніями, наше мышленіе, какъ указываетъ Вундтъ, въ своемъ историческомъ развитіи вырабатывало различныя системы изъ сочетанія этихъ трехъ главныхъ проблемъ; безконечный „прогрессъ“—стремленіе къ безконечно-большему

1) Ibid. S. 190.

2) Ibid. S. 195.

и безконечный „регрессъ“—стремленіе къ безконечно-малому въ примѣненіи своемъ къ упомянутымъ тремъ основнымъ трансцендентнымъ проблемамъ даютъ начало всему разнообразію философскихъ теченій.

Изъ нихъ мѣсто волюнтаристической эволюціонной монадологіи съ теоретико-познавательнымъ основаніемъ идеализма принадлежитъ ученію самого Вундта.

А. Селитренниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
